

МАСКУЛИННОСТЬ КАК КУЛЬТУРНО- ФИЛОСОФСКИЙ КОНСТРУКТ ОБЩЕСТВА ПОСТМОДЕРНА

MASCULINITY AS A CULTURAL AND PHILOSOPHICAL CONSTRUCT OF POSTMODERN SOCIETY

C. B. Сикилинда*

* Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова,
Новочеркасск, Россия

Stanislav V. Sikilinda*

* Platov South-Russian State
Polytechnic University (NPI),
Novocherkassk, Russia

Цель исследования – выявить онтологическую специфику маскулинности как индикатора культурно-философских трансформаций в обществе эпохи постмодерна.

Методологическая база исследования. Попытки продвинуть культурно-философскую концепцию маскулинности в новых направлениях оптимально соотносятся со следующими постулатами критической теории Г. Маркузе: 1) общественный приоритет взаимоотношений индивида с природой в экологическом, материальном и технологическом аспекте; 2) предопределенность актуального проекта современности деструктивными взаимоотношениями индивида с окружающей природой. Формулируется критическая теория маскулинности как технологии, которая выходит за рамки традиционных подходов к гендерным взаимоотношениям, делается фокус на проблематике, касающейся позиционирования индивида по отношению к природной стихии.

Результаты исследования. Аргументирован постулат о существенном значе-

Objective of the study is to identify the ontological specificity of masculinity as an indicator of cultural and philosophical transformations in postmodern society.

Methodological basis of the study. The approach to detail the postmodern concept of masculinity is based on the idea that contemporary attempts to advance cultural and philosophical theory in new directions optimally correlate with G. Marcuse's critical theory of: 1) the postulate of the importance of human interrelations with nature in ecological, material and technological aspects; 2) predestination the project of the current modernity has a destructive relationship with nature. A critical theory of masculinity as a technology is formulated, which goes beyond traditional approaches to gender relations, and focuses on the issues related to the individual's positioning in relation to the natural elements.

Results of the study. The postulate of the essential importance of professional activity

нии профессиональной деятельности при культурно-философском изучении маскулинности. В свете снижения значимости оплачиваемого труда для формирования мужской идентичности, доказывается, что критическая теория маскулинности обеспечивает экспертную оценку корреляций между профессиональной деятельностью и технологиями как синкетичных механизмов взаимодействия индивида с природой, в частности, в формате мужской телесности. Как конструкт общества постмодерна маскулинность квалифицируется в качестве средства обеспечения экономической и онтологической безопасности мужчины. Следуя постулату Г. Маркузе о новом восприятии действительности и технологиях, которые трансформируют профессиональную деятельность индивида в «игру», устанавливаются перспективы преодоления маскулинности, перехода к восприимчивому отношению к природе и сложности постмодернистской повседневности.

Перспективы исследования. Перспектива рассмотрения экологической проблематики обеспечивает возможность по-новому оценить взаимосвязь между маскулинностью и естественными аспектами постмодернистской повседневности. Детализации требует постулат о том, что гендер – это, в том числе, процесс взаимодействия индивида с природой, средство, с помощью которого природа выражается в культуре. Распространенное понимание половых различий отражает эту динамику множеством способов. Однако в социологических и культурно-философских исследованиях этот сущностный аспект гендера игнорируется: телесность проявляет природу в рамках гендера, предопределяя одну из прямых точек входа природных сил в социальную и культурно-философскую сферу.

Ключевые слова: гендерная идентичность, маскулинность, культура, природа, технологическая рациональность, концепция труда, восприимчивая чувственность

in the cultural and philosophical study of masculinity is argued. In light of the declining importance of paid work for the forming the male identity, it is proved that the masculinity critical theory provides an expert assessment of correlations between professional activity and technology as syncretic mechanisms of individual's interaction with nature, in particular, in the format of male physicality. As a construct of postmodern society, masculinity qualifies as a means of ensuring the men's economic and ontological security. Following G. Marcuse's postulate about new perception of reality and technologies that transform professional activity into a "game", the prospects for overcoming masculinity and moving towards a receptive attitude to both nature and the complexity of postmodern everyday life are established.

Prospects of the study. The perspective of considering environmental issues provides an opportunity to re-evaluate the relationship between masculinity and the natural aspects of everyday life. The postulate that gender is, among other things, a process of interaction with nature, a means by which nature is expressed in culture, requires elaboration. The widespread understanding of gender differences partially reflects this dynamic in a variety of ways. However, in sociological and cultural-philosophical studies, this essential aspect of gender is ignored. Physicality manifests nature within the framework of gender, determining one of the direct entry points of natural forces into the social and cultural-philosophical sphere.

Keywords: gender identity, masculinity, culture, nature, technological rationality, labor concept, receptive sensuality

Введение

Детализуя теоретическую позицию М. Хайдеггера, Г. Маркузе выдвигает идею о том, что современная реальность управляет всепроникающей технологической рациональностью, которая находит наивысшее достижение и самую уязвимую точку в господстве над природной стихией (Маркузе, 2022). Преобразуя природные силы, технология предопределяет развитие экономических, социальных и культурно-философских реалий. Г. Маркузе предвидит будущую «катастрофическую» трансформацию, в результате которой из противоречий, порожденных отрицанием присущего природе творческого потенциала, стремления к устойчивым взаимосвязям, возникают инновационные технологии. Трансформированные технологии, в своем «освобождении» природы, отказываются от насилия и эксплуатации в пользу восстановления исторических связей и сущностных отношений между техникой, искусством и эстетическим восприятием, которые способствуют свободному использованию природного и человеческого потенциалов.

Утверждается, что традиция критической теории, дополненная новыми материалистическими взглядами, концепциями аффекта и биополитики, может способствовать систематизации постмодернистских теоретизирований о гендерной идентичности, технологиях и природе (Ашилова и др., 2021; Ковтуненко и др., 2025; Коротаева, 2023). Есть все основания рассматривать теорию технологической рациональности Г. Маркузе как культурно-философское основание для критики гегемонной маскулинности. Исследователь предполагает, что господство над природой связано как с технологиями, так и с доминирующим положением (некоторых) индивидов в современных обществах. Однако это господство – не только вопрос обеспечения власти и привилегий, поскольку существование людей как естественных субъектов также эффективно ограничено: они возвышаются над природой, чтобы утвердить контроль над ней.

Методологическая база исследования (теоретические основы)

Для Г. Маркузе маскулинность предстает как сущностный аспект технологической рациональности, которая ограничивает природу (Маркузе, 2022. С. 144). Технологии обеспечивают определенную степень онтологической безопасности, однако одновременно подрывают отчуждением от природы, в первую очередь по отношению к телесности людей. Поэтому, как утверждает исследователь, для оживления физических возможностей, притупленных или отрицаемых требованиями технологической рациональности и принципом производительности, которые управляют жизнью как мужчин, так и женщин, требуется «новая чувствительность» (Маркузе, 2022. С. 168). Данное требование предопределяет центральность эстетики на фоне сложных процессов социальных и культурно-философских изменений, которые, в свою

очередь, актуализируют критический взгляд на феномен маскулинности, если мужчины и женщины стремятся способствовать большей свободе и справедливости в формате социальных взаимоотношений.

Критическая теория маскулинности Г. Маркузе анализирует вопрос о том, как можно в той или иной степени нейтрализовать осознаваемую потребность мужчин во власти и контроле над природой, чтобы сформировались условия для возникновения этики восприимчивости и свободы. Стремясь способствовать этому сдвигу, мыслитель опирается на универсальные параметры, которые воедино связывают технологическую рациональность и эстетическую восприимчивость. Внимание фокусируется на общей этимологии, определяющей сущность современных технологий и искусства в *technē*.

Технологии ассоциируются с деятельностью по преобразованию природы, что становится ключевым фактором в определении сути профессиональной деятельности мужской сферы: мужчины предопределяют то, что квалифицируется как «технология». Аналогичным образом, произведение искусства, несмотря на то, что оно вызывает творческое ощущение продуктивности, которое переводит природу в телесную форму, остается фундаментально связанным с рутинными формами труда. Профессиональная деятельность балансирует на стыке онтологической безопасности и экономической проблематики – точка зрения, которая должна быть центральной в оптимальной критической теории маскулинности.

Результаты

В эпоху постмодерна ранее стабильные представления о мужественности уступают место изменчивой и неопределенной маскулинности, которая подвергается дисквалификации. Мужественность перманентно демонстрируется одной группой мужчин другим группам мужчин. В этом культурно-философском контексте труд предстает формой интерсубъективной деятельности, цель которой заключается в получении социального признания. Мужчина контролирует свою жизнь, мировоззрение и телесность в соответствии с текущими требованиями рынка.

Анализ различных типов маскулинности как конструктов сложных социальных, технологических и природных экосистем проливает свет на типологию гегемонной маскулинности, что, в свою очередь, способствует самоорганизации таких систем. С одной стороны, не может быть неограниченного числа атTRACTоров или доминирующих маскулинностей, потому что в такой ситуации гендер не придает системе в целом никакого порядка или структуры. С другой стороны, если бы существовала только одна форма гегемонистской маскулинности, система в целом была бы негибкой, чтобы реагировать на изменения или вызовы, исходящие как изнутри, так и из внешней среды. Единственная доминирующая маскулинность была бы уязвима перед катастрофическим крахом и революцией в гендерном порядке системы, в то

время как множественные аттракторы позволяют поддерживать гегемонию в более гибкой, самоорганизующейся системе.

Сфера эстетики простирается от эмоциональных компонентов воплощения до абстрактных концепций культурно-философского исследования. Осознание потенциала эстетических факторов позволяет критической теории обратиться к биополитическому, эмоциональному и телесному аспектам мужественности. Для Г. Маркузе, размышлявшего в середине XX в., цель состояла в том, чтобы превратить отчужденный труд в «игру», которая позволила бы всем индивидам вступать в более свободные взаимоотношения с природой. Если такая позиция актуальна сегодня, то она заключается в концепции восприимчивости, которая потенциально способствует новому отношению к жизни в условиях сложности постмодернистской повседневности.

Обсуждение

Феномен профессиональной деятельности является центральным проблемным узлом для культурно-философского анализа гендерной идентичности. Например, проблема корреляции между оплачиваемой и неоплачиваемой работой по дому занимает приоритетную позицию в теориях патриархата (Баязитова, 2009; Волкова, 2017). Однако в последнее время важность профессиональной деятельности по отношению к гендеру оказалась под вопросом, поскольку сфера потребления стала занимать более сущностную позицию в процессах формирования культурно-философских смыслов идентичности. В данном исследовании анализируется специфика восприятия снижающейся значимости профессиональной деятельности с точки зрения критической теории мужественности. Утверждается, что критический анализ концепции труда предопределяет вывод о том, что взаимосвязь маскулинности и труда оптимально осознается с точки зрения специфики естественных технологий.

Современная концепция маскулинности учитывает такие факторы, как экономическая сфера повседневности, занятость профессиональной деятельностью (наличие оплачиваемой работы). В первой половине XIX в. «старые» формы мужественности, основанные на владении собственностью или статусе самостоятельного ремесленника, уступают место новому мужскому образу. Эта форма маскулинности определяется в связи с формирующимся в то время капиталистическим рынком. Новый идеал мужественности воплощает «мужчину, сделавшего себя сам», социальный статус которого зависит от успеха в условиях нестабильной новой экономики. В этом отношении рынок предлагает как выгоды, так и риски, поскольку возможности достижения успеха и богатства сосуществуют с угрозой неудачи и разорения. Индивид, самостоятельно добившийся успеха, хронически не уверен в себе. Как говорит М. С. Киммел, «главной характеристикой того, что человек сделал себя сам, было то, что испытательным полигоном являлась общественная сфера, в частности рабочее место. А рабочее место было миром мужчин... Если мож-

но доказать мужественность, то это должно быть доказано в глазах других мужчин» (Kimmel, 2012. P. 26).

Теорию Р. Коннелла о «маскулинности транснационального бизнеса как развивающейся гегемонистской форме» (Connell, 2000) можно трактовать как продолжение идеи М. С. Киммела – «мужчина, сделавший себя сам». Обе концепции обязаны существованием социальным отношениям, поддерживаемым рынками. Как и индивид, сделавший себя сам, бизнесмен является носителем мужественности, которая формируется в мире оплачиваемого труда, особенно по отношению к другим бизнесменам. По мнению Р. Коннелла, рост транснациональных корпораций знаменует собой новый этап в истории капитализма, имеющий значительные последствия для господствующих моделей маскулинности (Connell, 2000. P. 87). Корпоративные менеджеры (которые в подавляющем большинстве являются мужчинами) в настоящее время являются важнейшими действующими лицами глобального гендерного порядка.

Власть – это центральная черта мужественности транснационального бизнеса, но в то же время – опять же, как и в случае с индивидом, сделавшим себя сам, – эта власть всегда временна и ненадежна в корпоративной среде, которая практически не гарантирует занятость в профессиональной сфере. Отмечая широкое распространение индустрии «самопомощи», занимающейся предоставлением «психологической поддержки и самоутверждения», Р. Коннелл и Дж. Вуд предполагают, что «...большинство менеджеров сами по себе не могут создать (или не могут поддерживать) типы личности, необходимые глобальному капитализму» (Connell, Wood, 2005. P. 361). Личности встроены в многонациональные институты, которые формируют условия новой гегемонистской формы маскулинности.

Хотя теория маскулинности транснационального бизнеса определяет ключевые вопросы, заслуживающие дальнейшего изучения, ее постулат о том, что маскулинность представляет собой субъекта нового глобального гегемона, кажется необоснованным. Неравномерность глобализации подрывает любое утверждение об унифицированной форме гегемонистской маскулинности. Представляется маловероятным, что маскулинность транснационального бизнеса обладает культурной валютой для поддержания гегемонии. Отчасти это происходит потому, что другие формы профессиональной деятельности по-прежнему предоставляют альтернативные возможности для проявления мужественности.

Мужские профессии в тяжелой промышленности или добыче природных ресурсов уже давно считаются «настоящей работой», в немалой степени потому, что они связаны с преобразованием мира природы и овладением им. Добыча угля является мощным признаком современности, поскольку она предполагает господство над природой. Выделяется три основных семио-

тических образа маскулинности, которые циркулируют на угольных месторождениях: семьянин, крутой парень и современный мужчина (Scott, 2010. P. 55). В то время как первые два образа основаны на классических представлениях, соответственно, о добытчике и храбром и стойком индивиде, именно феномен современного человека наиболее актуален в контексте технологического господства над природой посредством разрушения горных вершин. Он символизирует будущее, в котором природа будет приручена и использована для достижения человеческих целей.

Современный шахтер и транснациональный бизнесмен представляют собой совершенно разные варианты мужественности. И все же, хотя на первый взгляд это может быть и неочевидно, у этих разных образов обнаруживается общая сущностная черта: использование технологий для установления контроля над природой и миром, в котором работают эти мужчины. Такая активность очевидна в случае с шахтерами, использующими землеройные машины для изменения ландшафта, из которого добывается уголь. По мнению Р. Р. Скотт, добыча полезных ископаемых с удалением горных вершин – это «мужская технология контроля над иррациональной и закодированной по-женски природой» (Scott, 2010. P. 80). Р. Коннелл и Дж. Вуд также отмечают, что управляемая деятельность «все больше внедряется в технологии» (Connell, Wood, 2005. P. 354). Бизнесмен подключен к глобальной сетевой системе, которая управляет с помощью электронных потоков данных. Информационно-коммуникационные технологии имеют решающее значение для повседневной работы транснационального капитализма. Хотя это может показаться далеким от физической работы по добыванию ресурсов из недр земли, технологии, применяемые бизнесменами, направлены на биополитический контроль над определенными формами природы. Во-первых, как отмечает Р. Коннелл, эти индивиды должны управлять своей телесностью и эмоциями, чтобы эффективно функционировать под давлением своей деятельности. Контроль над «внутренней природой» имеет решающее значение, если индивид желает убедить других в своей компетентности и контроле ситуации. Во-вторых, информация и данные, циркулирующие по электронным сетям, являются результатом трудовых и естественных процессов, преобразованных в технологические формы. Как человек, добившийся успеха сам в XIX в., так и бизнесмен XXI столетия, действуют на расстоянии от мира природы. Отчуждающая логика рынка скрывает зависимость каждого из них от господства природы. В-третьих, глобальный рынок, который успешный бизнесмен должен укротить и взять под контроль, воспринимается как сила природы. Как свидетельствует М. Фуко в исследованиях ранней биополитики, существует длительная история мышления и действий в терминах механизмов управления природными реалиями. Природа рынка определяет мир, в котором работают мужчины, а маскулинность – это технология, которая позволя-

ет им позиционировать себя как субъектов, контролирующих ситуацию, какой бы иллюзорной и непригодной для жизни эта позиция на самом деле ни была (Фуко, 2011. С. 231–235).

С точки зрения критической теории маскулинности, технологии ассоциируются с мужским началом, потому что маскульность сама по себе является (современной) технологией для воплощения природы и контроля над ней. Бизнесмены используют расчетливый разум и информационные технологии. Точно также современные мужчины действуют силу и промышленные технологии для добычи полезных ископаемых. И та и другая категория индивидов символизирует доминирующую маскульность, поскольку воплощает технологическое отношение к природе и окружающему миру.

Одна из причин, по которой бизнесмены и шахтеры имеют отношение к проблематике нашей публикации, заключается в том, что исследования, посвященные мужчинам и маскульности, выявляют важность оплачиваемой работы как пространства формирования и консолидации маскульной идентичности. Профессиональная деятельность имеет онтологическое значение, поскольку она является чем-то большим, чем обеспечение некоторого материального комфорта или возможность проявить власть; это основной способ для нестабильного в других отношениях субъекта обрести самоощущение, место в социальном мире. Ведение этой деятельности предоставляет мужчинам возможность достичь онтологической безопасности в непосредственном окружении.

Сегодня эта перспектива, похоже, неуклонно отдаляется. За последние десятилетия основное пространство проявления мужественности перемещается из сферы труда. По мере того, как женщины постепенно осваивают рабочие места, которые когда-то были прерогативой мужчин, и поскольку мужчинам все чаще приходится совершать сложные переходы «между домом и работой», они обращаются к сфере потребления в поисках мужественности. Такой сдвиг согласуется с появлением новых социальных формаций, о которых говорится во многих современных культурно-философских теориях. Концепции «текучей современности» З. Баумана, «посттрадиционных» обществ Э. Гидденса, «рефлексивной модернизации» У. Бека, «сетевого» общества М. Кастельса, а также идеи М. Хардта и А. Негри свидетельствуют о том, что социальная жизнь стала более подвижной, менее способной поддерживать идентичность, привязанную к формам труда, исторически связанным с постмодернистскими обществами.

Современная культурно-философская теория все чаще обращается к телесности и новым формам материализма. Так, М. С. Киммел предполагает, что исторически «интерес к телу был вызван... из-за краха рабочего места как сферы, где можно испытать и доказать свою мужественность» (Kimmel, 2012. Р. 310). В условиях отказа от оплачиваемой работы мужская телесность часто

становится стартовой площадкой для проявления мужественности по-новому. Возобновившийся интерес к мужскому здоровью, фитнесу и накачанным, сильным и впечатляющим телам свидетельствует о том, что стремление к мужественности становится все более актуальным. Более того, современная важность сексуальности и спорта указывает на обращение к мужскому телу как к средоточию мужественности. Другими словами, деятельность по формированию мужественности все больше связывается с проявлением природы и контролем над ней в форме мужских тел. Маскулинность – это технология, с помощью которой мужчины работают (и которая работает через мужчин), чтобы привести в порядок свое тело, «Я» и окружающий мир. По мере того, как сложность современных социально-природных систем становится все более очевидной, мужские тела оказываются на переднем крае усилий по установлению контроля над ними. В этом смысле маскулинность направлена на достижение онтологической безопасности.

С точки зрения критической теории маскулинности, ключевой вопрос заключается в том, как способствовать переходу от маскулинности, трактуемой в терминах современных технологий, к большей свободе и справедливости для всех индивидов, чья жизнь во многих отношениях ограничена нынешней гендерной системой. В традиции критической теории источники критики и изменений были расположены главным образом в точке, где технология переходит в искусство (или *technē*). Г. Маркузе определяет эту точку неразличения в «эстетическом измерении» повседневности. Согласно Г. Маркузе, эстетическое измерение охватывает «внутреннюю связь между удовольствием, чувственностью, красотой, истиной, искусством и свободой» (Маркузе, 2022. С. 173).

Восприимчивость, по Г. Маркузе, – это творческая способность, которая участвует в эстетическом измерении жизни. Потенциал телесных аффектов как плацдарма для сопротивления дискурсам и практикам социального контроля зависит от противостояния современным технологиям маскулинности, которые их формируют. Если большая свобода в сочетании с онтологической безопасностью для всех гендерных субъектов требует новой эмоциональной восприимчивости и новых технологий, то задача сводится к переработке отношений между мужественностью и природой посредством культивирования восприимчивости. Это предполагает создание условий для возникновения нового образа жизни путем отхода от технологического уклада мира, который связывает гегемонную маскулинность с глобальным капитализмом.

Как отмечает Г. Маркузе, «если бы мы могли сформировать конкретную концепцию альтернативы сегодня, это была бы не концепция альтернативы» (Маркузе, 2022. С. 89). Точная форма, которую принимает новая эмоциональная восприимчивость или технология, не может быть определена с точки зрения настоящего, должна стать результатом неопределенного будущего. Клю-

чевым моментом является то, что восприимчивость – это не столько отсутствие действия в мире, сколько деятельность, позволяющая создавать новые артефакты в сложной реальности, которая никогда полностью не находится под контролем субъекта-мужчины. Переосмысление мужественности может произойти только в результате следования тенденциям, уже присутствующим в сложных социально-природных системах. Важные тенденции следует искать сегодня в функционировании эмоциональной биополитики, которая неявно раскрывает непреодолимые границы знания.

Говорить о восприимчивости и эстетике мужского тела не значит ослаблять сопротивление изолированным, индивидуальным действиям. Комплексный подход, лежащий в основе нашей аргументации, объясняет, что отдельные индивиды никогда не являются просто изолированными действующими лицами. Это верно, по крайней мере, в двух важных смыслах. Во-первых, в сложной системной среде, характеризующейся нелинейными отношениями, циклами обратной связи, самоорганизацией, мы никогда не сможем полностью предопределить результаты любого конкретного социального действия. В этом смысле граница между индивидуальными и коллективными действиями, направленными на социальные изменения, теряет четкость. Когда мы осознаем, что автономный мужской субъект создается с помощью технологии воплощения, основанной на господстве над природой, становится очевидным, что концепция индивидуального действия связана с текущей конфигурацией современной гендерной системы. Во-вторых, индивиды никогда не могут быть отделены от экологических систем, в которые они имманентно встроены. Эти экосистемы включают в себя телесность как открытую систему, которая является сложным конструктом. Восприимчивость, аффект и мужественность занимают приоритетную позицию для взаимоотношений между человечеством и природой в глобальном масштабе.

Явная связь разрушительной продуктивности принципа эффективности с мужским доминированием привносит важное измерение в критическую теорию. Говоря о разрушении окружающей среды, Г. Маркузе утверждает, что «очевидно, до какой степени насилие над природой неотделимо от экономики капитализма» (Маркузе, 2022. С. 63). Технологии маскулинности воздействуют на природу, привлекают силы, способствующие сохранению социальной системы. Гегемонная маскулинность является фактором притяжения в рамках социально-экономической системы, который регулирует и ограничивает игру потенциальных влияний, тем самым поддерживая иллюзию того, что мир находится под контролем.

При формулировании ответа на эту ситуацию заслуживает внимания утверждение Г. Маркузе о том, что переосмысление отношения человечества к природе сводится к «проблеме изменения характера труда, в силу которого последний был бы приравнен к игре – свободному проявлению человеческих

способностей» (Маркузе, 1995. Р. 217). Переход от профессиональной деятельности к развлечениям – или от технологии к технике – повлечет за собой изменение гендера, но потенциально может иметь серьезные последствия. Игру можно описать как практику физического и социального экспериментирования, посредством которой индивид реагирует на природу, вещи и других людей в попытке найти способы жить в условиях свободы и сложности окружающего мира. Жить в этом смысле значит способствовать созданию более справедливого мира, который избегает насилия и господства.

По словам Г. Маркузе, появление новой, более восприимчивой чувственности предполагает «повторное открытие природы как союзника в борьбе против эксплуататорских обществ, в которых насилие над природой усугубляет насилие над человеком» (Маркузе, 2022. С. 56). Мы считаем, что это намерение должно лежать в основе критической теории маскулинности. Данная теория должна быть направлена на установление возможности иного отношения к природе как основы для радикальных социальных изменений в направлении свободы и справедливого общества.

Заключение

Современная культурно-философская теория, как правило, упускает связь между мужественностью и воспроизведением деструктивных социальных и экономических отношений. В значительной степени это происходит потому, что она избегает серьезного рассмотрения индивида как воплощенного субъекта. Вместе с тем в последнее время эта теория сближается с материальными измерениями реальности посредством концепций аффекта и биополитики. В определенном смысле эти новые материалистические подходы ведут назад, к будущему, которое уже предвидел Г. Маркузе, когда писал, что «...существующее общество воспроизводится не только в уме, сознании людей, но и в их чувствах; и никакие убеждения, никакие теории, никакие рассуждения не могут разрушить эту тюрьму, если только застывшая, окаменевшая чувствительность индивидов не будет “растворена”, открыта новому измерению истории, пока не будет нарушена гнетущая привычность данного предметного мира» (Маркузе, 2024. С. 83–84). Позиция Г. Маркузе сводится к зарождающейся критической теории маскулинности, которая в первую очередь касается как биополитического контроля телесных аффектов, так и виртуальных возможностей свободы, которые остаются неизменными, несмотря на технологическое переосмысление мужской природы.

По мнению Г. Маркузе, обращение к эстетическому измерению в поисках более «чувственной культуры» направлено на «радикальную трансформацию чувственного опыта и восприимчивости человека, ... затрагивает корни капитализма в самих индивидах» (Маркузе, 2024. С. 92). Культурно-философские теории, которые занимаются историческими сдвигами в общественных отношениях, деградацией окружающей среды, упустят важный аспект своей

проблематики, если не обратят внимания на взаимосвязь мужественности и контроля над природой. Эта позиция не предполагает отказа от критического анализа социальных институтов и устойчивых структур макроуровня, но признает неразрывно связанные аспекты сложных открытых систем, в которые встроена вся современная повседневность.

Список источников

Ашилова М. С. Гендер в социально-философском аспекте: сущность и особенности / М. С. Ашилова, А. С. Бегалинов, К. К. Бегалинова // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2021. – Т. 2. – № 8 (80). – С. 5–12. – EDN HDPIZB.

Баязитова С. А. Гендерный подход в социологии: эволюция, теории и практика применения / С. А. Баязитова // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – 2009. – № 1 (1). – С. 51–56. – EDN NXCSCl.

Волкова Т. А. Потенциал гендерного дискурса в осмыслении семьи / Т. А. Волкова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 41-2. – С. 55–60. – EDN YKHIUO.

Коротаева А. И. Содержание феномена гендерной идентичности / А. И. Коротаева // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 80-2. – С. 379–382. – EDN WZLJYK.

Ковтуненко И. В. Проблема многомерной идентичности личности в обществе эпохи постмодерна / И. В. Ковтуненко, И. А. Кудряшов, Ю. Б. Бондаренко // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – № 1. – С. 158–174. – DOI: 10.18522/2227-8656.2025.1.11. – EDN IZJDHN.

Маркузе Г. Когда умрет капитализм? Контрреволюция и бунт / Г. Маркузе. – Москва: Родина, 2024. – 420 с.

Маркузе Г. Одномерный человек / Г. Маркузе. – Москва: Наука, 2022. – 368 с.

Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Философское исследование учения Фрейда / Г. Маркузе. – Киев: Государственная библиотека, 1995. – 352 с.

References

Ashilova M. S., Begalinov A. S., Begalinova K. K. Gender in the socio-philosophical aspect: essence and features. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i social'no-ekonomicheskikh nauk = Current problems of the humanities and socio-economic sciences.* 2021; 2 (80): 5-12. (In Russ.).

Bayazitova S. A. Gender approach in sociology: evolution, theory and practice of application. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'nyh tekhnologij) = Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2009; 1 (1): 51-56. (In Russ.).

Volkova T. A. The potential of gender discourse in understanding the family. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts.* 2017; 41-2: 55-60. (In Russ.).

Korotaeva A. I. The content of the phenomenon of gender identity. *Problemy sovremenennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern teacher education.* 2023; 80-2: 379-382. (In Russ.).

Kovtunenko I. V., Kudryashov I. A., Bondarenko Yu. B. The problem of multidimensional identity of a person in a postmodern society. *Gumanitarij Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia.* 2025; 14 (1): 158-174. (In Russ.).

Marcuse G. When will capitalism die? Counter-revolution and rebellion. *Moskva: Rodina = Moscow: Motherland.* 2024; 420 p. (In Russ.).

Marcuse G. The one-dimensional man. *Moskva: Nauka = Moscow: Science.* 2022; 368 p. (In Russ.).

Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж-де-Франс в 1977–1978 гг. / М. Фуко. – Москва: Наука, 2011. – 544 с.

Connell R. The Men and the Boys / R. Connell. – Berkeley: University of California Press, 2000. – 268 p.

Connell R. Globalization and Business Masculinities / R. Connell, J. Wood // Men and Masculinities. – 2005. – № 7 (4). – P. 347–64. – DOI 10.1177/1097184X03260969.

Kimmel M. Manhood in America: A Cultural History / M. Kimmel. – N.Y.: Oxford University Press, 2012. – 392 p.

Scott R. Removing Mountains: Exploiting Nature and Identity in the Appalachian Coalfields / R. Scott. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 2010. – 296 p.

Marcuse G. Eros and civilization. A philosophical study of Freud's teachings. Kiev: Gosudarstvennaya biblioteka = Kyiv: State Library. 1995; 352 p. (In Russ.).

Foucault M. Security, territory, population. A course of lectures delivered at the College de France in 1977-1978. Moskva: Nauka = Moscow: Science. 2011; 544 p. (In Russ.).

Connell R. The men and the boys. Berkeley: University of California Press. 2000; 268 p.

Connell R., Wood J. Globalization and Business Masculinities. Men and Masculinities. 2005; 7 (4): 347-64. DOI 10.1177/1097184X03260969.

Kimmel M. Manhood in America: a cultural history. New York: Oxford University Press. 2012; 392 p.

Scott R. Removing mountains: exploiting nature and identity in the Appalachian coalfields. Minneapolis: University of Minnesota Press. 2010; 296 p.

Для цитирования: Сикилинда С. В. Маскулинность как культурно-философский конструкт общества постмодерна // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – № 4 (74). – С. 145–157.

DOI 10.18522/2227-8656.2025.4.10

EDN JGJSVK

Сведения об авторе

Сикилинда Станислав Владимирович

Соискатель кафедры «Социальные и гуманитарные науки» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова
SPIN-код: 5733-8192
AuthorID: 1294219
benromach@yandex.ru

Information about author

Stanislav V. Sikilinda

Applicant,
Department of Social and Humanitarian Sciences, Platov South-Russian State Polytechnical University (NPI)
benromach@yandex.ru